

Ю. К. Бегунов

НИЖЕГОРОДСКАЯ ПОВЕСТЬ XV ВЕКА О СПАСЕНИИ УТОПАЮЩЕГО

Во время занятий в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина наше внимание привлек толстый сборник проложных чтений, на 503 листах, форматом в 4-ку (31,5×20,5), конца XV — начала XVI вв., принадлежащий собранию Московской духовной академии (ф. 173, III, № 86)¹. В нем на листах 481 об. — 483 об. читалась любопытнейшая повесть из жизни Нижнего Новгорода XV в. Это рассказ о том, как тонул у впадения Оки в Волгу и чудесно спасся один человек по имени Григорий Авксентьев.

¹⁴ Купреянова Е. Н., Макогоненко Г. П. Национальное своеобразие русской литературы. Л., 1976, с. 67.

¹ Филиграни бумаги рукописи следующие: полумесяц, как № 1272 альбома Н. П. Лихачева из рукописи 1497 г., и три горы, как в № 1338 альбома Н. П. Лихачева из рукописи 1508 г. Содержание сборника составляют около 150 праздничных слов, повестей, сказаний, житий для чтения на весь год. Приписка на листе 502 об. сообщает: «Труды переплет попа Михаила Акипфиева Крева»; на листах 1—3 имеется вкладная князя Ф. П. Борятинского в Златоустовский монастырь.

Хотя это произведение однажды упоминалось в научно-справочной литературе², а его текст был даже издан без раскрытия титулов и со всеми буквенными знаками по двум рукописям А. И. Соболевским³, оно ни разу не стало предметом специального исследования и не вошло ни в один из академических или учебных курсов истории древнерусской литературы. Нет о нем ни слова и в нижегородской краеведческой литературе⁴.

Между тем повесть эта чрезвычайно любопытна как единственное в своем роде древнерусское произведение о спасении утопающего. Точное заглавие его по рукописи: «Чудо святого пророка Ильи. Створено бысть на память его в Новгороде Нижнем». Оно говорит за то, что перед нами повествовательное произведение забытого и почти никем не изучаемого жанра древнерусской литературы — сказаний о чудесах святых. Повестью оно называется лишь условно и примыкает еще к одному древнерусскому жанру — агиографии. Чудеса святых обычно входили в состав житийного текста как очень важный его компонент. Иногда они добавлялись в конце жития как отдельное сказание. Такие чудеса, как правило, возникали независимо от первоначального жития и позднее при переделках житийного текста контаминировались с ним. Бывали случаи, когда чудеса святых отделялись от первоначального жития и становились самостоятельным произведением. Основные закономерности и принципы построения таких произведений, так же как и их последующая литературная история, современной наукой еще не изучались. Учитывая, что, по подсчетам Н. Н. Зарубина, в древнерусской литературе было около 15 тысяч житий, русских и переводных, и громадное большинство их до сих пор не издано, это нелегко сделать.

«Чудо святого пророка Ильи» — слишком небольшое и до известной степени случайное произведение, чтобы на основе его текста можно было бы сделать сколько-нибудь значительные выводы. Однако даже беглое знакомство с его текстом убеждает в том, насколько увлекательно может быть дальнейшее исследование этой нижегородской повести.

² Строев П. М. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. Приведены в порядок и изданы под редакцией академика А. Ф. Бычкова. Приложение к XLI тому «Записок Имп. Академии наук». № 2. СПб., 1882, с. 406—407. Упомянута рукопись конца XVI — начала XVII вв. Богоявленского Костромского монастыря под № 834.

³ Соболевский А. И. Материалы и заметки по древнерусской литературе. IX. — ОРЯС имп. АН. СПб., 1915, кн. I, с. 277—284. Использованы для издания рукописи Общества истории и древностей Российских при Московском университете, № 320, XV в., и Синодального архива, № 3923, XVII в.

⁴ Напр.: Храмовский Н. Н. Краткий очерк и описание Нижнего Новгорода. Ч. 1—2. Нижний Новгород, 1857; Макарий, архим. Памятники церковной древности Нижегородской губернии. СПб., 1857; Гадисский А. С. Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 1886.

Очевидно, оно было написано в 1429 г., когда в Нижний Новгород приезжал младший сын Дмитрия Донского князь Константин Дмитриевич (1389—1433). Он тогда командовал московской ратью, посланной против татар, разорявших берега Волги. Князь Константин лично слышал рассказ о чудесном спасении Григория Авксентьева от самого Григория и пересказал его нижегородскому книжнику. Трудно себе представить, чтобы последний этот рассказ ранее не слышал: его в Нижнем Новгороде пересказывали тогда друг другу многие, но никто не догадывался записать, пока не вмешался князь Константин. На долю нижегородского книжника пришлось оформление устного рассказа по канонам жанра сказаний о чудесах святых, с предисловием и заключением в похвалу пророку Илье, со всеми ссылками на Священное писание, Жития Николая Мирликийского и Мины. В уста Григория Авксентьева были вложены пространные молитвословия и славословия, усилена дидактическая сторона: добавлено поучение о поведении доброго христианина.

Образ самого Григория очерчен весьма схематично, в общих чертах: добродетелен, благочестив, смиренен, скромен. Мы даже не знаем, чем занимался Григорий, какое социальное положение он занимал. Во всяком случае, он был не беден, так как владел домом и давал милостыню церкви.

В центре повествования находится образ всепрощающего спасителя людей Фисвитянского пророка Ильи, по преданию, взятого живым на небо. Да, утверждает автор произведения, Григорий Авксентьев совершил грех, искупавшись в день памяти пророка Ильи, 20 июля, но он покаялся и был прощен милостивым святым. По мнению средневекового книжника, проступок пошел Григорию на пользу: он стал еще более ревностным и добродетельным христианином.

Что же все-таки произошло 20 июля 1418 г. в Нижнем Новгороде? Был жаркий летний день, рассказывается в повести. Солнце пекло неимоверно. Весь день томился от жары Григорий Авксентьев. Сдерживаемый запретами друзей и близких, он не смел выкупаться в реке. Наконец, к вечеру не выдержал и, взяв с собой двух малолетних сыновей, побежал к Оке, сел в лодку, переправился через Оку и выбрал место для купания. К тому времени зашло солнце, стемнело и начала восходить луна. Григорий вошел в воду по грудь и неведомая сила потянула его на быстрину. Будучи хорошим пловцом (он мог по нескольку раз переплыть Оку и Волгу), Григорий не боялся утонуть. Внезапно на него нашло оцепенение, он не смог двинуть ни рукой, ни ногой и стал тонуть. «Тьма зеленая» застлала ему очи, «шум страшен и грозен» ударил в уши. И показалось ему, что он видит заросли на дне реки и через какие-то ворота опускается в пучину. Взаправду это было или только ему померещилось, но вода будто и не касалась тела, образуя пу-

этому. Затем на Григория напали жажда и страх, и стал он молиться. По прошествии некоторого времени почудилось ему, будто пришел Илья-пророк и вывел его на свет.

Тем временем жена, дети и брат с помощью рыбаков искали тело утонувшего Григория. Горю их не было предела. Наутро, в пятом часу по древнерусскому счету времени, т. е. между 7 и 8 часами утра, Авксентьева нашли стоящим по горло в воде у берега Волги довольно далеко от устья Оки.

Самый факт пребывания человека под водой в течение 12 часов невероятен. По всей видимости, Григорий долго плыл по реке в полубессознательном состоянии, пока не пришел в себя и спасся.

По словам автора сказания, 21 июля 1418 г. почти все горожане побывали в доме Авксентьевых и даже городские власти во главе с князем-наместником Александром Ивановичем Брюхатым. Спасение Григория приписали сверхъестественным силам, и прежде всего пророку Илье. Нижегородцы потом долго пересказывали друг другу эту историю.

«Чудо святого пророка Ильи» уникально потому, что оно содержит единственное в средневековой русской литературе описание переживаний утопающего человека. Это произведение еще раз свидетельствует о том, что обращение к миру человеческих чувств и переживаний, «открытие» его, произошло гораздо ранее XVII в.

Изучение нижегородского «Чуда святого пророка Ильи» еще только начинается. В настоящее время нам известно более десятка списков этого произведения⁵. Их текстологическое изучение — задача будущего. Еще одно предварительное издание текста «Чуда» кажется нам нелишним. Текст «Чуда святого пророка Ильи» подготовлен нами по указанной рукописи Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

л. 481 об. Чудо святого пророка Ильи. Створено бысть на память его в Новгороде Нижнем. Господи, благослови, отче.

В лето 6926-го, обходя круга солнечнаго и по лунному течению индикта 11, месяца июля 20, на память святого пророка Ильи, в лето благовернаго иже в благочестии просиявшего великаго князя Василия Дмитриевича, правящему стол митрополии Киевские и всеа Руси преосвященнаго Фотеа, митрополита Киевского и всеа Руси, в богохранимом глаголемем в Но-

⁵ Перечисляем эти списки: XV в. — ГБЛ, собр. ОИДР, № 320; XV—XVI вв. — ГБЛ, собр. МДА III, № 86; XVI в. — ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 656, Музейное собр., № 8433; ГИМ, Чудовское собр., № 62/264; ИРЛИ АН СССР. Причудское собр., № 1; Львовская гос. библиотека АН УССР; XVI—XVII вв. — Костромской историко-архитектурный музей-заповедник, бывш. собр. Богоявленского монастыря, № 834; XVII в. — ГБЛ, Рогожское собр., 678, собр. Отдела рукописей, № 422; ЦГИАЛ, ф. Синода. № 3923; XVIII—XIX вв. — ГБЛ, Музейное собр. № 9955.

вгороде Нижнем бысть некто муж благоверен, именем Григорей, сын Оксентиев. Сей имеяше брата по плоти и жену и чаде, и прилежаша всякой добродетели, и посту и молитве, и к церкви тщание нелепно творя. Бяше бо издетьска учен божественному писанию своим ему родителем, еще же и милостыни прилежаще по силе.

Сему случися сицева вещь, якоже сам ми последи исповеда.

Бысть, рече, в дни ты належашу зелному вару солнечному, якоже изнемогати мнозем от зелнаго пека солнечнаго не токмо человеком, но и скотом бяше тщета велия и плод земным.

Бысть, рече, дни того печаль велиа сердию моему, и начах помышляти в себе, откуда ми приключися сицевая туга сердечная, или от зелнаго вара солнечнаго, или от иного чого, [в] недоумении о сем бых; мы же глаголем: или чудотворения ради хотящаго быти.

Многажды, глаголаше, дни того устремися ити к реце, яко да прохляю тело мое, негли престанет ми печаль, и възбранен бых други ближними моими, и не бе престать печали моей, и паки възсхотех ити, и възбраняше ми своя жена, глаголюши, яко «день есть святаго Ильи, не мози, господине мой, творити сего». Аз же, смиренный, от многыя туги и печали не могах стерпети. И бысть к вечеру заходящу солнцю, паки устре (л. 482) || михся ити к реце, не поведася сего и жене моей, но скры въ сердци моем, изветом поях с собою младейша два сыновца моя, бяше един 11-ти лет, а другой — 9-ти лет суци, и взях сосуд и внидох вонь, и обо чаде мои со мною, и преехав реку, рекомую Оку.

Бяше же прилежащи граду тому и другаа река славнейша, глаголемаа Волга. И межю обою реку концев берега абие влекохся с риз своих.

Бяше же уже солнце зашло, а луне възходяще о первом часе нощи, внидох, убогий, по обычаю в воду, еже похладить плоть мою, искус имех плаванию, многажды обе реки плавах, суци в воде до пояса, таже до перси, и бых яко нужею влеком. Аз же мнех, яко от быстрости водныя снесен бых, и възсхотех по обычаю плавати, и нестьми мощно. Аз же разумех припадшую ми беду и възсхотех створити на лици моем знамение креста, и бысть рука немощная, яко не възвести ея. Аз же възсхотех молитву створити, и не, възмогах ни уст отвърсти, спроста рещи, раслабаше вся уды моя и приидох в дно реки. И бых яко от некоего повлеком и тма зелена бысть в очию ми, и шюм страшен и грозен слышашеся. Аз же не виде никогоже, разве кущи и якоже и езел на реце бывает. И мнит ми ся, яко лепо иду в сквозе врата его и бых в глубине седя. И отголе же приидох в глубины водныя и бых храним некоею благодатию, яко не приблизитися ко мне воде ни мало. И от многыя беды и скорби жажа велиа одержаша мя. Аз же недоумех, что створити, и въздох умней мои очи сердечней вкупе же и душевней

ко всемилостивому и человеколюбцу богу, иже ведущему тай-
ная сердца человеком, и рекох: «Боже милостивый, прещедрый
владыко, человеколюбче всемогый, неизреченне и непостыжне,
иже иногда спасл еси святыя своя ученики от глубины мор-
ския: пресвятого Ионы пророка, бывша три дни и три нощи в
сердци морьстей, в ките, тридневна бывша в образ тридневна-
го погребения, и повеле китови изврещи того на сушу, иже ар-
хиереем Николою изведый Дмитриа, бывша ему во дне моря и в
своём храме здрава посажшю, такоже святым мучеником Ми-
мою об ношь раба Еутропияева в мори представи его господи-
ну своему здрава, неогубленным, от него блюдом».

И что много глаголю? Нъ несть ми времени глаголати, по-
неже приближися до смерти, такоже и ныне.

«Господи, господи Давидъскы, аз реку, изведи ис темници
душу мою и от ада преисподняго глубины сея, все же испове-
дах ти имени твоему, и паки, не възведи мене в препловени
дний моих, арку, не готова суца от жития сего, удиви на мне,
грешнем, милость свою молитвами пречистыя ти матери, пре-
святыя владычица наша богородица, богородица приснодевья
Мариа, и всех святых твоих», — сия вся помыслих в уме моем.

И бых в глубине от перваго часа нощи до пятаго часа дни,
якоже ми после поведають, егда спасен бых. Аз же мнев сиа вся
в едином часе створишася на мне, и приде ми мысль, яко день
есть великого пророка Ильи, вонь же утопох, и рех в себе:
«Угодниче Христов, святой великий пророче Илья! Удиви ми-
лость свою на мене грешнем на свой честный праздник, изведи
мя от глубины сея водныя, якоже възкресил еси сына вдовича
умрша, тако и меня избави в гресех умрша».

Абие в том часе свет превелик осия мя паче солнца и тма
отбеже, и шум, и трепет, и гроза бежаше от мене, тацем же
образом множество рыб малых от великих суть. Аз же, не ви-
де ничтоже от них, възрадовахся и бых мало в ослаблении. И
абие скорый на помощь теплый (л. 482 об.) || заступник неиз-
реченных чудес предивнаго пророка, се муж грядет ко мне
вборзе, светло сияя, велми престар есть, имея браду превелику,
бьяше же власы главы его и брады, аки волна, чиста ризы же
его: тацех несмы видел ни в царех, ни в князех, еже видех по-
ведаю, тации суть не могу изрещи. И приближися ко мне и ре-
че ми: «Григорие, избавляет тебя Исус Христос мною, рабом
своим, възстав, поиди вслед мене». Аз рех к нему: «Кто еси, гос-
подине?» Он же рече: «Аз есмь раб божий, Илья Фезвитянин,
придох избавити тя от глубины водныя», и идох вслед его, из-
веде мя до света, и абие невидим бысть от мене, и ста во мне
крепость.

Жена же моя не ведуще бывшего, отрочате же мои оба,
якоже глаголетъ, видевше кончину мою и внидоша в судно, в
немже бяхом переехали реку, от берега убо сташа дале же не
умеюще, и плавущим же их по реце на низ, начаша възпити со

слезами. Неции же христолоубци перед их во инех судех и възвестиша в дому моем вся, яже бывшая о мне. Брат же мой и жена моя, да и весь дом мой начаша рыдати и плакати ся, слезы многыя леюще, и слышавше же рыдание и вопль окрест живущии ближнии стечашася в дом мой. И бысть плач вели в дому и недоумеяху, что створити от многыя печали. Брат мой поим мужа ловящая рыбы и сосуды, мрежа, и вся, яже угодная на искание мое, и искаху ночь ту, внюже утопох, и не обретоша. О сем в велице печали быша. Абие к утру нача искати мя по брегу, егда како извержет мя на сушу, якоже есть утопающим обычай изъметати.

И бысть к пятому часу дни по божию повелению приключися неким мужем ше (л. 483) ствовати по реце к горе по Волзе на остров, глаголимый Тлъстый, сена ради. Единому же от них ужем судно влекуще, а прочии в судех сидяще, внезапно же узрит главу челоучю, выникающу пред собою, абие же и до перси, и ста ужасеп и познаша, глаголаше в себе, яко Григорей жив есть. И рече другом своим: «Приидете и видете чудо преславно». Они же възсочиша скоро, притекоша ко мне и познаша мя, яко жив есмь, извлекоша мя на сушу и быша хрепетнии, вкуше же и радостнии о обретеннии моем, преже бяху слышали бывшее о мне, плачь и рыдание в дому моем, яко ми сами поведываху. И совлекоша мя на сушу, и възспросиша мя, како спасен бых от глубины водныя и како суши предан бых. Аз же от многыя печали и скорби не мощи ничтоже рещи, развее, яко «святой Илья избави мя, аще почию мало, и вся вы поведаю», испросих крест възложити на ся. Они же положиша мя в судно и прикрывши наготу мою, привезоша мя в град, и възвестиша в дому моем, яко обретоша, мя жива. И слышав брат мой и жена, и чада мои, и весь дом мой, възскоре притекоша ко мне. Всеи гражане, слышавше събрашася на мя, еще властелем града того, именем Александр, муж благонарочит, и всеи величии мужие, но и князи мнози, случишася в то время в граде том, быша ту. И бысть плачь велий, рыдание от всех, вкуше же и радость о спасении моем. Въспрошаху мя всеи людие: «Како спасен бых от воды? Аз же поведаю им вся быша о мне по ряду».

Якоже мунувшей прииде благоверный князь Костянтин Дмитриевич, и сей слыша о сем и удивися, и прослави бога, и всеи суции с ним.

Си вся аз слысах от него, якоже сам ми поведа, ся вся написах вам, и приложити. И всеи единогласно прославих бога и его угод (л. 483 об.) ника, святого пророка Илью. И приносяще в послушенство господне слово, иже написа божественый Лука, глаголюще, яко «се мертв бе и оживе, изгыбл бе, обретесе».

Григорей же призва отца своего духовнаго и исповеда вся, яже преже содеянная, от него причастився телу и крови Хри-

стовы, божиею благодатию, оттоле бысть весь здрав, не вда себе в объядение и в пиянство, ни в иныя, ни в которыя дела, прилежаще всякой добродетели, посту и молитве паче перваго, и церкви тщание творя неленостно, всим же милостыню творя по силе. И услыша слово господне, в себе глаголющее, иже написа великий Иоан ко оному, иже 38 лет в недуге лежащему, да его Исус обрете в церкви здрава, и рече ему: «Се целю еси к тому, ино грешай».

Григорей же прочаа лета живота своего поживе в страхе божии со всем домом своим, славя и хваля человеколюбца бога и его угодника великаго пророка Ильи, иже избави от толикыя беды.

Богу нашему слава в веки.